

ОТЗЫВ

о выпускной квалификационной работе на тему
«Проза Н.В.Успенского 1858-1862 гг. и «разрушение эстетики»»
бакалавра филологии Петровских Марии Александровны

Работа Марии Александровны Петровских посвящена теме явно актуальной (что хорошо видно, между прочим, и в грамотно изложенной истории вопроса) и недостаточно проясненной, прежде всего из-за своей масштабности и теоретической сложности. Хотя непосредственным материалом исследования является творчество автора «второго ряда», к тому же написавшего довольно немного, речь на самом деле идет о логике литературной эволюции XIX в. Готовность молодого исследователя обращаться к таким сложным вопросам, связанным с существенными тенденциями литературного процесса, вызывает уважение и заслуживает поощрения.

Не буду пересказывать работу: она отчетливо построена, мысли ясно сформулированы, текст в этом отношении говорит за себя сам – и позволю себе обсудить основные идеи в форме вопросов.

1. Уже в конце 1840-х гг., оценивая Достоевского, критики с неодобрением замечали у него внимание к якобы «случайному» (тогда как требовалось, понятно, изображать «типическое»); подобные упреки есть и в отзывах о раннем Островском и Толстом. Не проявилось ли здесь примерно то же самое, что в более поздней прозе Успенского? И если явления сопоставимы – или даже и вовсе являются частью общего процесса – то стоит ли так жестко связывать особенности прозы Успенского с поколением Добролюбова-Писарева и с литературным лагерем левых (я помню, что идеология не является предметом специального внимания в работе Марии Александровны: говорю сейчас прежде всего о хронологии и степени распространенности определенных художественных особенностей).

2. О фикциональном. Справедливо утверждая, что уже сам отбор фактов есть своего рода вымысел, Мария Александровна находит формулировку этой

мысли у гуманистичеcких XX века; между тем эта мысль была вполне доступна и некоторым старшим современникам Успенского: например, об этом писал Хомяков в статье о С.Т.Аксакове. Вопрос мой, собственно, следующий: если, судя по хотя бы Хомякову, вполне очевидно, что философски образованные русские критики XIX в. предполагали неизбежность вымысла в любом человеческом повествовании, даже документальном, даже мемуарах (признавая, что вымысел проявляется не обязательно как выдумка, но и как отбор фактов), - то не стоит ли, м.б., уточнить формулировку? Успенский, видимо, отказывается от старых форм фикциональности, но не от фикциональности как таковой. Видимо, проблемы здесь могут возникнуть из-за того, что Мария Александровна здесь обсуждает эпоху Успенского, пользуясь системой понятий XX в.; это, конечно, не только вполне допустимо, но и неизбежно в науке; однако предметом исследования является в данном случае не только художественная проза, но и суждения критиков, и то, как их представления соотносятся с позднейшим описанием проблемы фикциональности, здесь, как мне представляется, стоило бы обсудить подробнее.

3. Из вполне частного. Сравнивая «Лешего» Писемского и «Змея» Успенского, Мария Александровна замечает (если я ее правильно поняла), что выраженность фигуры рассказчика – это черта, указывающая на фикциональность повествования. Этот тезис, на мой взгляд, нуждается в аргументации (отсылка к Риффатерру дело не очень проясняет): в той же степени введение фигуры повествователя может работать и на создание иллюзии правдоподобности (ничего сам не придумал, от людей слышал).

4. В главе о типическом Мария Александровна, обсуждая впечатление «нефикциональности», которое создает проза Успенского, указывает, в частности, на воспроизведение простонародной речи не только в ее лексических, но и в ее фонетических особенностях. Насколько это новый стилистический прием? Помнится, в первой половине 1830-х гг. критики жаловались на засилье подобного в «народной» прозе.

Позволю себе, кроме вопросов, высказать некоторые пожелания:

Чрезвычайно интересна – самой постановкой вопроса – глава о категории комического и наблюдения автора над тем, как меняются впечатления критиков (в прозе Успенского сначала замечают смешное, потом – перестают об этом говорить). Этот важнейший и сложный научный сюжет заслуживает, как мне представляется, гораздо более подробного разговора – надеюсь, в дальнейших исследованиях Марии Александровны (замечу, что второй параграф первой главы о комическом, сопоставительный анализ рассказов «Леший» и «Змей», посвящен не столько категории комического, сколько проблеме фикциональности – главной проблеме отдельной, третьей главы; это, кстати, единственная странность в композиции работы, вообще построенной логично и внятно).

Про статью Чернышевского автор говорит мало, видимо, потому, что справедливо считает ее слишком известной. Некоторые лаконичные суждения выглядят спорными, напр., на стр.4: «Чернышевский увидел в его (Успенского) произведениях отказ от сложившихся эстетических моделей» - это не самоочевидно; видимым образом у Чернышевского речь идет прежде всего о вопросах, в сущности, политических; мне кажется, что Мария Александровна предлагает здесь как посылку то, что является на самом деле искомым результатом ее работы. Если эта дипломная работа будет готовиться к публикации или станет основой новых исследований, здесь я бы порекомендовала автору позволить себе более развернутое объяснение.

Из частных замечаний назову одно. Мария Александровна безоговорочно приписывает известную рецензию на Успенского Достоевскому; между тем атрибуция предположительна. Для концепции Марии Александровны это не имеет значения, но оговорка, хотя бы в сноске, не помешала.

Библиография репрезентативная и оформлена грамотно.

Некорректных заимствований нет: обращаясь к работам предшественников и развивая положения некоторых современных ученых, автор всегда указывает на их работы.

Считаю, что высказанные выше замечания имеют частный характер и не подвергают сомнению обнаруженный автором профессионализм. Основные положения можно считать доказанными. Работа М.А.Петровских, на мой взгляд, заслуживает оценки «отлично», а ее автору можно посоветовать продолжить заниматься академическими исследованиями.

д.ф.н.,

профессор филологического ф-та

МГУ им.М.В.Ломоносова

Г.В.Зыкова